

УДК 94 (5 / 560) / 908 + 39 : 34 + 397 (=512.1) /
316.022 + 811.512.123 - 161

**ЗАВИСИМЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ В КОЧЕВЫХ И ПОЛУОСЕДЛЫХ СООБЩЕСТВАХ:
СХОДСТВО ИЛИ СВЯЗЬ (НА ПРИМЕРЕ ТУРОК-ЮРЮКОВ И ТЮРОК
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ СЕРЕДИНЫ XVI - НАЧАЛА XIX в.)**

© 2019 В.М. Викторин

Астраханский государственный университет

Статья поступила в редакцию 06.05.2019

Статья посвящена проблеме понимания принципа «свой – чужой» в древности и современности, в первую очередь – среди оседавших кочевников разных частей Старого Света. Ведущая проблематика здесь – во взаимоотношениях правивших и престижных по положению этносоциальных слоев в прежних кочевавших сообществах с подчиненными группами, обычно «иноэтнического» происхождения и специфического «инотрадиционного» облика. Рассматриваются явления «зависимости» и «престижной подчиненности», а также некоторые теоретические аспекты т.н. «потестарной» (дополитической и внутренней приполитической) организации номадов и семи-номадов. Второй важный принцип – возможного для подчиненных «этносоциального лифта» или принцип «возвышения прежней зависимости». Привлечены в статье и показательные примеры (на основе архивных и полевых экспедиционных данных) из традиционных этнокультурных сообществ с сер. XVI в. до наших дней. Они отражают положение дел в ставшем российским Нижнем Поволжье в сравнении с ситуацией на Балканах, тогда подвластных Османской империи.

Ключевые слова: социальная история, этническая история, кочевники, оседание, тюрки и турки, этносы, субэтносы, Нижнее Поволжье, Европейская Турция, зависимость, военно-полицейские функции.

В сопоставительно-культурном, этносоциальном плане для древности и отчасти для современности весьма важна и характерна проблема «инаковости», «инотипичности» и глубже «иноэтничности» во власти и зависимости, касающаяся меньшинств, особых групп, возникших чаще всего путем завоевания, миграции либо комбинированно. Престижная часть населения всегда выделяет их, и сами они осознают свою «особость»: по преданиям о происхождении, по типу хозяйства (иногда совместно), а иногда еще и языку-диалекту, антропологическим особенностям. Существенно, что изначальная ущемленность порой сменяется быстро,

а чаще через поколение – два, очевидной престижностью.

Обратимся в этой связи к классике античности. В первую очередь, к легендарному рассказу Геродота (V в. до н.э.) о «возвращении войска скифов» в Причерноморье из похода на киммерийцев и Ассирию (около 612-584 гг. до н.э.), когда им противостояла армия родившихся и выросших за время их отсутствия «полускифов» с отцами из покоренных ранее «рабских» племен. Выступали несколько позже как «рабы» и сами скифы: в Древних Афинах V-IV вв. до н.э. – выкупленные полисом пленные воины-лучники из Скифии (до 1 тыс. чел.), брутальные и нелюбимые демосом для службы в качестве первой городской стражи, т.е. «полисейи» (Аристофан, Аристотель и др.)¹. Принципы работы «полисейи – полиции», под тем же названием, были воспроизведены в 40-х гг.

*Викторин Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков, председатель Ученого совета Астраханского государственного объединенного музея-заповедника.
E-mail: victvic@mail.ru vignitor@gmail.com*

XVI в. в Саксонии, в 1667 г. во Франции, а в России – с 1715-1719 гг. (при императоре Петре I Великом) и, при «возвращении» этого термина (после «милиции»), с 2011 г.²

Далее, у постоянных противников афинян в Древней Спарте - Лаконии VII-II вв. до н.э. (а отчасти аналогично и в соседней Микении, на Крите) сформировалось, из числа «других» покоренных эллинских племен, сословие государственно-зависимых поселенцев, в распоряжении семей спартиатов, под именем «илоты». Военная организация спартиатов оставляла илотам лишь обязанность терпеть ущемленность, издевательства и периодические репрессии («крэптии»), платить дань частью урожая. Соседняя область Мессения же, освободившись от власти Спарты в 369 г. до н.э., учредила у себя, похоже, сословие «илотов наоборот», из групп, родственных спартанским дорийцам³.

А в Индии из потомков, завоеванных в сер. II в. до н.э. пришлыми ариями аборигенов (дравиды и мунда), сложились структуры «низших каст» в Индии (т.н. «неприкасаемые», или «божьи люди» – «хариджане» – их так именовал великий Махатма М.-К. Ганди, иначе «далиты», они же «scheduled» – «списочные» при англичанах и после их власти).

Среди кочевников-туарегов, т.н. «людей в синем» Нигера, Мали, Алжира, Мавритании, Ливии и др., от «благородных» каст (европеоиды-«имхары», или «имаджеганы», обладатели традиций и стад верблюдов) находятся в зависимости «неблагородные» (негроиды-«икланы», потомки пленных, постоянно и оседло живущие в оазисах и выращивающие там просо и пшеницу, хранящие имущество хозяев)⁴.

В Йемене от арабов, прежних бедуинов, отличаются также негроидными чертами «ахдамы, аль-ахдам» – отверженные, сходные отчасти с цыганами в Европе. Живут они в отдельных поселках, но ведут полуподвижный образ жизни. Их считают остатками эфиопов, захвативших через пролив Йемен в VI в. н.э., шедших походом «в год рождения Пророка» на Мекку. Это «воины со

слоном», упомянутые в конце книги Корана, но тогда мусульманами разбитые⁵. Среди курдов более знатным и боевитым курдам-кочевникам, предгорным скотоводам издавна свойственно угнетать несколько отличающихся диалектом и обычаями земледельцев (это «райаты», иначе «гураны») и совершать на них набеги с грабежами⁶.

Показательны дискуссии, которые развернулись не так давно по проблеме «совсем чужой – полуприближенный – свой» (почти по Э. Дюркгейму, Л. Леви-Брюлю и К. Леви-Строссу, Ж. Пиаже, Б.Ф. Поршневу, Р. Барту, А.С. Ахизеру, В.Г. Лысенко, А.В. Шипилову А.К. Якимовичу и др.). И мы не случайно коснулись кочевых народов с их т.н. «потестарной» (дополитической и внутренней приполитической, обычно-правовой) организацией.

Именно эти номадные (либо оседавшие) сообщества оказываются наиболее показательными в контексте нашей темы (Г.Е. Марков, Л.Е. Куббель, Н.Н. Крадин, А.И. Першиц, А.М. Хазанов и др.). Их на планете насчитывается от 10 до 15 млн чел. А им всегда еще свойственна (так отмечал В.В. Бартольд на примере тюрок) «резкость выражения идеи наследственной аристократии». Добавим от себя, что и «наследственной ущемленности» тоже. Но последняя могла порою и компенсироваться иными возможностями «этносоциального лифта».

В рамках данных рассуждений «иноэтничность» как фактор и часть «всаднического» менталитета на примере кочевавших тюрок на рубежах России XVIII - нач. XIX в. в их сообществах и в войсках была рассмотрена уфимским проф. Б.А. Азнабаевым. Важно еще, что он выделил существенный принцип «возвышения прежней зависимости» для пришлых, за их боевые и чиновные заслуги, в новой для них среде⁷.

Отмечается при этом, что крайне мало важным поначалу являлось отсутствие у «воспринятых чужаков» в базовом сообществе родственных и кумовских связей и обязательств, которые препятствовали бы им в исполнении властно-репрессивных функций.

И немаловажным для предлагаемой статьи является сюжет «истоков» данного явления, вызывающий споры в совсем недавних публикациях. Так, астраханец, аспирант Р.В. Ишмухамбетов посчитал, что структуры власти у казахов и ногайцев имеют корни в «чингизизме», а профессор из Башкортостана Б.А. Азнабаев возразил, что такая прямая связь в строгих источниках не отмечена. Признав тут же, однако, что Чингизхан охотнее приближал к себе не «родных» и «единородных», а именно «чужаков»⁸.

Для нас традиции империи Чингизидов разноплановы (не только в Законах «Ясы», иначе – в «Джасак»е, кыпчак. «Төрэ»): они и явны, и скрыты. Как и наследие Древнетюркского каганата с подчинением этому своеобразному государству еще и предков монголов. И совсем неизвестны формы субординации в заведомо полиэтничной орде гуннов-хунну. Нужны новые серьезные, комплексные исследования, поскольку тема увлекательна и перспективна для разработки.

При этом предложим яркий и показательный «нижневолжский» научный материал. Мы еще в 80-х гг. XX в. выделили здесь «бóлдырные, бóлдырские» подобности (от хакас. «пельтүр» – «слияние рек, устье», монг. и калм. «балдр» – «метис, полукровка»; тюрко-татар. «балдыр», южнорус. и казач. «бóлдырь» в том же значении)⁹. И прежде всего напомним, какая особая этносоциальная группа проживала в сер. XVI в. в Большой Ногайской орде, но на границе с прежним Астраханским ханством.

Это были так называемые «тумаки», непосредственно подвластные бию орды: оседлые земледельцы, сеявшие просо по рубежам дельты – на р. Бузан. Именно из-за них, временно бежавших на несколько лет под Астрахань (от голода, усобиц и болезней), у царя Ивана IV Грозного с бием ногайцев Исмаилом вышел конфликт. Астраханский воевода решил, по строгому указанию из столицы, выслать «тумаков» от города обратно на их рубежи лишь к 1560 г.¹⁰ Заметим, что нами было не раз высказано

смелое предположение о смешанном этнопроисхождении данной группы¹¹. Но сейчас поддержим его вновь.

Просто пока еще неясно, чей же этносубстрат (видимо, неких других кыпчаков из Средней Азии, с кем ногайцы воевали) они в себе содержали, поселенные в Прикаспии. Однако слово «тумá (тумат, тумак)», вошедшее и в русские казацкие диалекты, означает «сын чужеродки, пленницы, невольницы; нечистокровный и неполноправный» (этимолог, немецкий славист М.Р. Фасмер). И если у ногайцев Крыма в XVII в. рождались дети от невольниц (сообщение путешественника тех лет, монаха из Италии и главы доминиканцев в г. Кафе Э.-Д. д'Асколи), «то таких называют «туман», и их можно продать, когда захотят, потому что они не считаются детьми».

С распадом целостной Ногайской орды наличие «тумаков» больше не прослеживалось. Хотя это явление могло помниться и воспроизводиться подобно в небольших возникших ордах.

Наше дальнейшее изложение как раз о более позднем времени, притом о событиях в окрестностях г. Астрахани. При наступлении с востока калмыцких орд и крахе Большой Ногайской орды к пришедшим ранее (синхронно с «тумаками») под стены крепости Астрахани юртовским ногайским татарам в 30-40-е гг. XVII в. добавились новые кочевые и боевитые «едисанцы», или «джетисанцы» мурз Урусовых и Тинбаевых (Тимбаевых). Имели они и пленных, их потомков в своем составе.

К середине XVIII в. мы наблюдаем целостные оседлые поселения и оформленный субэтнический социальный слой такого населения, обязанного содержать «едисан - джетисан» и их мурз пропитанием. Это были «эмэки», или «джетемэки», они же «эмэшные татары», или «ямиаки» (так назвал их, будучи в те времена в Астрахани, акад. С.Г. Гмелин). Новые пленные-калмыки, беглецы под Астрахань из крымских пределов и горцы-мусульмане, захваченные царскими войсками в схватках на Кавказе, официально присо-

единялись к ногайским татарам и пополняли среди них внутреннее сословие «эмэк» (до 10% от всех подвластных полукочевников).

Согласно найденным нами в астраханском архиве документам, один из предводителей едисанцев, «табунный голова» Абдикерим-ага Ишеев, в 1815-17 гг., обосновывая свои «права владения» на эмэков, сообщал: «Емеки, под властью нашей ... от колена людей разного рода, приобретенные в давние времена, когда еще предки наши не были во всероссийском подданстве, и по междуусобным браням из разных наций взятые в плен, как-то: лязгиры (т.е. лезгинны. – В.В.), чеченцы и тому подобные...»¹².

Действительно, северокавказский элемент присутствовал. Упомянут, к сожалению, только в архивной описи более поздний документ от 40-х гг. XIX в. о «горских татарах села Трех Протоков»¹³ (ног.-тат., до сих пор «Джемели-аул», одно из мест проживания эмэков / джемэков. – В.В.). В полевой работе 1983-85 гг. именно в этом же селении были выявлены отдельные семьи рода «таулы» («горцы»), даже несколько отличающиеся внешне по своему отчасти «кавказскому» облику. Их предки (один из них – ветеран Хасьян Сулейманов) «когда-то с гор приехали» и имели этническую связь с чеченцами. А в соседнем с. Кулаковка (ног.-тат. «Кулакау-аул») обнаружилась целая родовая группа «джару» – по преданию, с «черкесским» (т.е., видимо, любым адыгским) происхождением.

По тонкому замечанию П.И. Небольсина, этнолога, охватившего в своей монографии от сер. XIX в. все народы региона, по итогам споров и скандалов вокруг эмэков, «эмешные люди были именно то, что у киргизов (казахов. – В.В.) дальней степи называется «тюленгю», а у калмыков – «кетчинер»¹⁴. Действительно, и те и другие были группами зависимого, неполноправного населения, полуслуг-полудружинников. А казахские тюленгүты – еще и из чужеземцев, т.е. пленных и их потомков.

В 1801 г. едисанцы («келечинцы») перешли к оседлости¹⁵, как ранее и подвластные

им эмэки. Выяснилось тогда, что последние лучше обеспечены продовольствием и приобрели более чем прочные навыки в огородничестве и бахчеводстве. Некоторые стремились переселяться в другие селения, где их ущемленное ранее положение не ощущалось. Иные скопили денежные средства и готовы были вносить подати правительству за самих себя, помимо мурз и «табунных ага-голов», кстати, быстро бедневших и терявших прежний выгодный статус в глазах властей.

Но из себя они все еще пытались представлять «аристократов» и «помещиков». Так, тот же Абдикерим Ишеев, посылая свои протесты, возмущался: «... емеки под властью нашей проходят наследственно из рода в род, коими мы пользовались и пользуемся на многие веки на точных правах, как бы и российское дворянство своими крестьянами»¹⁶.

Хотя в отличие от многих изложенных ранее нами случаев «лифта от прежней зависимости» эмэки стремились не искать более престижное, а не ухудшить (!) свое реальное положение. Их инициативы сочетались с административно-статистическими мерами правительства, в т.ч. и усилиями знаменитого губернатора В.Н. Татищева.

По VI-й ревизии (1811 г.) был подтвержден статус эмэков как свободных государственных крестьян. На многочисленные возражения едисанских лидеров им отвечали, что эмэки «свободны от рабства», принадлежат к «казенному ведомству, а не владельческому», а «табун» для проживания могут избрать, «какой пожелают». Лишь однажды, около 1817 г., сильно разбогатевший эмек Шабан Смаилов ушел в город и записался там в купцы торгового общества татар Агрыжанского (индийского, по их происхождению. – В.В.) двора. Пожаловался на него мирза Нияз Бекеев сын Тимбаев, успевший внести платежи за него. Решением от 1832 г. желавшего «возвыситься» вернули в крестьянское сословие, запретив переход в иное¹⁷.

Впрочем, по следующей, VII-й ревизии (к 1835 г.), разряд в государственных кре-

стьян поверстали и прежних предводителей «табунных» групп, претендовавших, как мы видели, на подчинение эмеков. И многие вопросы с социальным статусом и этническими корнями разных слоев пригородного тюркского сообщества разрешились сами собою.

Выходцы из эмеков, насколько ясно, старались не вспоминать о своем особом происхождении. И в настоящее время этот термин как самоназвание забыт, и в полевой экспедиционной работе он нам не встречался. Сохранен он (см. выше), притом предположительно, лишь в топонимии и в памяти о миграциях (никак не добровольных) в пределы Нижневолжья. Но ощутимые потомки этой группы вписали и вписывают сейчас яркие и талантливые страницы в историю этнокультур данного региона.

Так, в упомянутом с. Три Протока («Джамели, Джемели, Ямели») Приволжского района Астраханской области представительница рода Сулеймановых («горские татары – «таулы»»), Майсара Хакимовна Умерова (1936 г. рожд.) стала известной в своем регионе и в Татарстане народной поэтессой, выпустившей в свет несколько сборников стихов на родном языке.

Субэтническое явление «эмеки» осталось в истории с совсем небольшим по себе наследием. Но это – интересный и подробный раздел в общей теме зависимых «иноэтнических» слоев в сообществах, оседавших на землю кочевников. И оставляет он немало нерешенных вопросов, в частности, о происхождении их названия.

Не приходится связывать эмеков со средневековыми кимаками или кыпчаками под племенным именем «йемеки» («половцы емякове», союзные русским князьям в походе на г. Булгар в 1184 г.)¹⁸. Это был бы «ложный ход по сходству», как если б в попытке отождествить астраханских ногайцев «карага́ш», дальнюю родню соседних им юртовцев, с «карага́сами» Южной Сибири.

Далее обнаруживаем некую, но очень сложную контаминацию близких по звучанию тюркских реалий. Мы не ошибались,

думается, отмечая, что «эм, ем, джем» по-тюркски означает «еда, корм, фураж» – и что с «эмеками» этот смысл связан¹⁹.

Но по-турецки, в терминологии быденной жизни, представлены такие лексемы, как «уетек» – «питание», «етек» – «труд», «уаутак» – «распространение». А в военной сфере мы находим «уауа» – «пехотинец, пешеход» и, что главное, – «уатак» в значении «в запасе, замещающий, руководимый»²⁰.

Помнится, как удачно дополнило давний доклад автора (на XVII научной конференции «Славяне и кочевой мир» цикла «Славяне и их соседи» памяти проф. В.Д. Королюка в г. Москве в Институте славяноведения РАН 25-27 мая 1999 г.) замечательное выступление и ценное устное сообщение Светланы Филипповны Орешковой, ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН, о том, что у балканских кочевых турок-«юрюков» в XV-XVII вв. представители отдельного слоя «ямáки» могли откупаться овцами от походов, из-за чего они и их потомки резко проигрывали в общественном уважении и статусе. «Иноэтничности», правда, не просматривается, как и целостных поселений, но очень сложен внутритурецкий этногенез самих по себе юрюков.

Любопытны аналогии по статусу в османской армии между основными, гвардейскими контингентами – янычарами (пехотой, «престижно-иноэтническими!»), и дополнительными – сипахами и ямаками. Кстати, знаменитый польский писатель рубежа XIX-XX вв. Генрик Сенкевич знал особенности боевых структур османских «войск вторжения» 1668-1673 гг. в Польшу и на Украину, при этом он передавал в своих романах название «ямáк» диалектно, как «джамáк»: через польский диграф «dz-».

Как раз по теме войск османской Турции и их обеспечения в 1986 г. вышла в свет статья Константина Александровича Жукова, доцента кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Он отметил, что ямаки в XVI в. составляли постоянный, но

меняющийся резерв турецкой армии и могли выполнять обязанности по обработке земли ушедших в поход. Одно время участнику похода полагалась плата (т.н. «харчлык») от опоздавших в поход оставшихся на земле ямаков. В следующий призыв они могли поменяться местами. С реформами нач. XVII в. значение этого института уменьшалось. Но именно на Балканах служба «юрюков» (и «ямаков» среди них) продолжалась значительно дольше, до нач. XIX в.²¹

Существенные аналогии (обработка земли и неполноценность, подсобность в несении иных общественных функций) между балканскими «ямаками» и нижеволжскими «эмеками», таким образом, вырисовываются. Возможно и прямое воздействие османских практик на вблизи проживавших российских тюрок. Не исключено было бы такое влияние в терминах, скажем, через Крым. Но только если допустить и иметь в виду наличие в Крымском ханстве своего регулярного воинства – с необходимой тогда системой сопутствий в наборе и резерве.

Вопрос, на наш взгляд, требует изучения и поисков в хозяйственной и военной практике иных тюркских этносов (помимо юрюков и юртовцев с едисанцами).

Итак, феномен «зависимости» и «престижной подчиненности» – типологически общий для кочевников и оседавших полукочевников (хотя проявлен он и у части оседлых земледельцев, даже у горожан) в разные эпохи и на обширных территориях. Но такие этносоциальные явления у древних тюрок и монголов, их потомков в последующие столетия обнаруживают, похоже, и некоторый элемент преемственности в наследии. Привлеченный нами материал нижеволжских «тумаков», затем «эмеков» малоизвестен, но показателен и характерен. Но не исключено не только сходство, но и связь этих институтов с «ямаками» в Османской империи.

В рассмотренных сюжетах повсюду и постоянно просматриваются весьма сложные и многофакторные взаимосвязи, влияния

и иные составляющие процессов становления и эволюции. Эту любопытную и полезную проблематику нужно изучать дальше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фролов Э.Д. Полицейская служба в демократическом полисе: скифы в Афинах // Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004; Иванов А.А., Румянцев Н.В. Организация полицейской службы в древнегреческих полисах // Вестник Московского университета МВД России. № 8. М., 2011. С. 106-107.

² И если действительно принять во внимание, помимо древней, еще и нынешнюю, всегда проблемную в общественном к ней отношении, но состоявшуюся и развитую «полицейскую» службу (воспетую в телесериалах США о «новых центурионах» и школах, ... «академиях» по их подготовке), то можно заметить такой неслучайный факт. Полицейский департамент г. Нью-Йорка брал на службу традиционно и изначально (с 1845 г.) в весьма небольшой степени из доминировавших в США «англосаксов, yankee – WASPs». Так обстоит дело и поныне. К слову, нарастает в его составе численно сейчас и русскоязычная т.н. «Ассоциация» в ряду с иными «этническими». См. об этом: *Купчинецкая Викт.* Русскоязычные полицейские Нью-Йорка отметили 10-летие своей ассоциации (св. 300 членов по Америке) // ИноСМИ - Россия сегодня (глазами зарубежных mass - media) / www.inosmi.ru/world/20130707/210729289.html. 2013, 7 июля – 3 с. / 30 Кб.

³ Дьяконов И.М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // Вестник древней истории. № 4 (126). М., 1973. С. 3-29.

⁴ Лот А. Туареги Ахаггара. М.: Наука, 1989. С. 8. 26, 36-56.

⁵ Dresh P. Tribes, Government and History in Yemen (Serie «Clarendon Paperbacks»). L.: Oxford University Press, 1989. 480 p.

⁶ Баязиди М.М. Нравы и обычаи курдов. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1963. С. 52-53.

⁷ Азнабаев Б.А. Иноэтничные структуры в племенном ополчении башкир и казахов в XVIII в. // Этнос. Общество. Цивилизации: V-е Кузевские чтения. Сб. мат. конф., 20-28 сентября 2018 г. Уфа: Изд-во «Диалог», 2018. С. 5-6.

⁸ Азнабаев Б.А. Иноэтничные структуры в племенном ополчении... С. 6-7; Ишмухамбетов Р.В. Туленгуты в Букеевской орде казахов, нач. XIX - нач. XX вв. // Вестник Калмыцкого университета. № 2 (34). Элиста: КалмГУ, 2017. С. 41-42; Егз же. Нематериальное наследие ногайцев-карага-

- шей и пути его сохранения // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XI. Мат. междунаrodn. научн. конф. (г. Астрахань, Мин. культ. и тур. Астрахан. обл., ОГУК « АГОИАМЗ», НИИ проблем Каспийск. моря, 23 мая 2019 г.). Астрахань: Изд-во Ром. Вас. Сорокина, 2019. 7 с. (в печати).
- ⁹ Викторин В.М. Об этносоциальных группах «бóлдырей» («балдыров, бельтиров»): к отражению этнических процессов в лексике // Рах Sonoris («Мир звучащий»): история и современность. Междунаrodn. музыковед. журнал / Мин-во культ. Астрахан. обл., Гос. фольклор. центр «Астрахан. песня». Вып. 3 (5). Астрахань: [ГФЦ «Астрахан. песня»], 2009. С. 97-101.
- ¹⁰ Продолжение древней российской вивлиофики. Изд-ль Н.И. Новиков. Ч. X. СПб.: Типогр. имп. акад. наук, 1795. С. 153-160, 190-196.
- ¹¹ Викторин В.М. Мурзы и эмеки в этносоциальной среде ногайцев-едисанцев (джетисанцев) при г. Астрахани в XVII-XIX вв.: к эволюции сообщества при переходе к оседлости // Политическая и этносоциальная история тюркских народов и государств (Turcologica – Тюркологический сборник. 2011-2012). М.-СПб.: Наука - Вост. лит-ра, 2013. С. 68.
- ¹² Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 13. Оп. 20. Ед. хр. 338. Л. 1.
- ¹³ ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 1311.
- ¹⁴ Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб.: Типогр. Мин-ва внутр. дел, 1852. С. 64.
- ¹⁵ Васькин Н.М. Заселение Астраханского края / Астрах. обл. ин-т усоверш. учителей. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1973. С. 31-32.
- ¹⁶ ГААО. Ф. 13. Оп. 20. Ед. хр. 338. Л. 2.
- ¹⁷ Викторин В.М. Мурзы и эмеки в этносоциальной среде... С. 70-72.
- ¹⁸ Татары (серия «Народы и культуры»). 2-е изд. Отв. ред. Г.Ф. Абдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова / Ин-т этнол. и антропол. им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ин-т истории им. Ш.Б. Марджани АН РТ. М.: Наука, 2019. С. 90, 92-93.
- ¹⁹ Викторин В.М. Мурзы и эмеки в этносоциальной среде... С. 68, 71.
- ²⁰ Жуков К.А. Османские хроники XV-XVII вв. о создании войск «яя ве мюсселем» // Turcologica – 1986. Сб. к 80-летию акад. А.Н. Кононова / Лен. отд. ИВ АН СССР, Сов. комитет тюркологов. Л.: ЛО Наука, 1986. С. 129.
- ²¹ Жуков К.А. Османские хроники XV-XVII вв. ... С. 129-131.

DEPENDENT ETHNOSOCIAL GROUPS IN NOMADIC AND SEMI-SETTLED COMMUNITIES: SIMILARITY OR COMMUNICATION (ON THE EXAMPLES OF THE TURKS-YURYUKS AND TYURKS OF LOWER VOLGA AREA, THE MIDDLE OF 16th – THE EARLY 19th CENTURY)

© 2019 V.M. Victorin

Astrakhan State University

The article is devoted to the problem of the understanding the principle «Our – Alien», mainly among the nomads from the different regions of the «Old World» who transited to a settled way of life. The main discussing problem is the relations between ruling and prestigious ethnic-social groups of the former nomadic communities and the subaltern groups which often have a different ethnic origin and a specific «alien traditional» appearance. The author concentrates on the phenomena of «dependence» and «prestigious subjection», along with some theoretic aspects of the so-called «potestas» (pre-politician and inner semi-politician) organization of nomadic and seminomadic societies. The second important principle considered is the principle of possible «ethnic-social upward mobility» of subalterns or «elevation of former dependence». The article provides some examples (based on archival and field studies) of the traditional ethno-cultural communities from the middle of the 16th century to the present times; they reflect the situation in the Lower Volga region which became part of Russia, compared with the situation in the Balkans which were dependent on the Ottoman Empire. *Keywords:* social history, ethnic history; Nomads, sedentarisation; Turkic and Turkish populations; ethnoses, sub-ethnoses, Lower Volga Region, European Turkey; subordination, military-police functions.

Victor Victorin, Candidate of History, Associate Professor, Department of Oriental Languages, Astrakhan State University. Chairman of the Academic Council, Astrakhan State United Local Lore Museum. E-mail: victvic@mail.ru vignitor@gmail.com